

Нам нужен не свет, а огонь.
Не ласковый дождик, а гром.
Нам нужны буря, вихрь, землетрясение.

Фредерик Дуглас

ПЛЕЙЛИСТ

«Blue Blood»	LAUREL
«break up with your girlfriend, I'm bored»	Ariana Grande
«Dancing Barefoot»	U2
«Devil In a Bottle»	Genitorturers
«Do You Wanna Touch Me (Oh Yeah)»	Joan Jett
«Fire It Up»	Thousand Foot Krutch
«Give You Hell»	The All-American Rejects
«I Found»	Amber Run
«Kryptonite»	3 Doors Down
«Look Back at It»	A Boogie wit da Hoodie
«Nobody Rides for Free»	Ratt
«The Hand That Feeds»	Nine Inch Nails
«Way Down We Go»	KALEO
«Wow.»	Post Malone

Оглавление

Плейлист	6
Глава 1. Тирнан	7
Глава 2. Тирнан	18
Глава 3. Тирнан	40
Глава 4. Тирнан	60
Глава 5. Джейк	82
Глава 6. Тирнан	96
Глава 7. Тирнан	120
Глава 8. Тирнан	144
Глава 9. Ной	168
Глава 10. Тирнан	188
Глава 11. Тирнан	212
Глава 12. Тирнан	229
Глава 13. Тирнан	242
Глава 14. Ной	250
Глава 15. Тирнан	262
Глава 16. Тирнан	285
Глава 17. Джейк	305

Глава 18. Джейк	323
Глава 19. Тирнан	330
Глава 20. Тирнан	351
Глава 21. Тирнан	362
Глава 22. Ной	377
Глава 23. Тирнан	384
Глава 24. Тирнан	408
Глава 25. Тирнан	432
Глава 26	444
Глава 27. Тирнан	450
Глава 28. Тирнан	459
Глава 29. Тирнан	465
Глава 30. Тирнан	480
Глава 31. Тирнан	492
Глава 32. Тирнан	501
Глава 33. Тирнан	511
Глава 34. Тирнан	525
Глава 35. Тирнан	541
Глава 36. Тирнан	552
Эпилог. Кaleb	561
Благодарности	570
Об авторе	573

Глава 1

Тирнан

Так странно. Качели из автомобильной покрышки во дворе — единственная вещь, свидетельствующая о том, что здесь живет ребенок. В доме никогда не развешивали рисунки — ни на холодильнике, ни на стенах. На полках — ни одной детской книги. Никакой обуви у входной двери или надувных игрушек в бассейне.

Это дом пары, а не семьи.

Я смотрю в окно на покрышку, свисающую с ветки дуба и раскачиваемую ветром из стороны в сторону, рассеяно поглаживаю пальцами красную ленту в волосах и ощущаю ее успокаивающую гладкость.

Он всегда находил время, чтобы покачать ее на качелях, не правда ли? Он находил время для нее.

А она для него.

Где-то у меня за спиной пищат и издают статичный треск рации, с лестницы доносится звук шагов, наверху хлопают двери. Полиция и парамедики заняты, но, уверена, вскоре они захотят поговорить со мной.

Я сглатываю, не моргая.

Когда отец повесил эту шину десять лет назад, я думала, она предназначалась для меня. Мне разрешали играть с ней, однако на самом деле качели любила моя мать. Раньше я наблюдала за ними по ночам из окна своей спальни. Родители

так игриво общались, смеялись, пока он качал ее, словно переносились в свой собственный волшебный мирок. Мне очень хотелось оказаться рядом, но я знала, что волшебство исчезнет, едва они увидят меня. Поэтому всегда лишь смотрела в окно.

Как и сейчас.

Закусив губу, я вижу зеленый листок, который парит в воздухе и приземляется внутри шины — там, где мать сидела бесчисленное количество раз. Ее образ в белой ночной сорочке с развевающимися светлыми волосами до сих пор невероятно ярок, ведь в последний раз она каталась на этих качелях вчера.

Сзади кто-то прокашливается. Опустив глаза, я наконец-то моргаю.

— Они сказали тебе что-нибудь? — слезно спрашивает Мираи.

Я не оборачиваюсь. Спустя мгновение медленно качаю головой.

— Когда ты говорила с ними в последний раз?

На этот вопрос я ответить не могу. Не помню точно.

Она приближается, однако останавливается в нескольких метрах от меня. Слышатся клцанье и скрип первой медицинской каталки. Ее спускают по лестнице и выносят из дома.

Вздернув подбородок, собираюсь с духом. Когда парамедики открывают дверь, снаружи доносится отдаленный шум. Выкрики и вопросы, автомобильные гудки, свидетельствующие о том, что люди продолжают прибывать. Собравшиеся за воротами представители прессы наверняка видят, как вывозят тело.

Когда я говорила с родителями в последний раз?

— Полицейские нашли кое-какие лекарства в ванной твоих родителей, — тихим голосом сообщает Мираи. — На флаконах указано имя твоего отца. Они связались с врачом и выяснили, что у него был рак, Тирнан.

Я не шевелюсь.

— Они ничего мне не рассказывали. Ты знала о его болезни?

Снова отрицательно качая головой, наблюдая за раскисающей покрывкой.

Женщина громко сглатывает.

— Очевидно, он пробовал различные виды лечения, но заболевание оказалось слишком агрессивным. Врач сказал... твой отец не протянул бы и года, милая.

Резкий порыв ветра кружит качели, закручивает веревку.

— Похоже... похоже, они... — Мираи умолкает, не в силах закончить предложение.

Я знаю, на что это похоже. Сразу поняла, когда обнаружила их утром. Тулуза, шотландский терьер моей матери, царапала дверь родительской спальни, просилась внутрь. Мне показалось странным, что они еще не встали, но я все равно открыла дверь и впустила собаку. За мгновение до того, как опять ее закрыть, подняла взгляд и увидела отца с матерью.

На кровати. В объятиях друг друга. Полностью одетыми.

Он был в своем любимом костюме от Givenchy, а она надела платье Oscar de la Renta, в котором выходила на красную дорожку Каннского кинофестиваля в 2013 году.

У отца обнаружили рак.

Он умирал.

Они оба это знали, и мать решила, что не позволит ему уйти без нее. Решила, что, кроме него, ничто не держало ее в этом мире.

Ничто.

В глазах начинает щипать, однако слезы почти мгновенно отступают.

— Полицейские не нашли записку, — говорит Мираи. — Ты не находила...

Повернув голову, смотрю ей прямо в глаза. Она сразу же осекается. Какой глупый вопрос.

Я стискиваю челюсти и снова сглатываю. В горло словно иглы вонзаются. За годы, пока моим воспитанием занимались няни, учителя школ-интернатов, вожатые летних лагерей,

кто угодно, только не родители, я осознала, что их отношение давно перестало меня ранить. Правда, похоже, уязвимые места все-таки остались.

Они не оставили записки. Даже в такой ситуации не захотели сказать мне ни слова.

Моргнув, я отгоняю слезы, поворачиваюсь обратно к окну и пытаюсь сосредоточиться на покрышке, маятником болтающейся на ветру.

Сзади слышатся тихие всхлипы и рыдания Мираи, потому что она знает. Знает, что я чувствую, ведь она была рядом с самого начала.

Спустя минуту замечаю ее снаружи. Женщина проходит мимо окна. Я даже не заметила, когда она покинула комнату. С садовыми ножницами Мираи стремительно подходит к качелям, подносит лезвия к веревке. Сжав кулаки, наблюдаю, как она перерезает бечевку нить за нитью. В конечном счете покрышка падает на землю.

Единственная слеза наконец-то скатывается по щеке. Впервые за лето, проведенное дома, я чувствую нечто похожее на любовь.

Через несколько часов, уже после заката, в доме снова воцаряется тишина. Я одна. Почти одна. Репортеры до сих пор дежурят за воротами.

Мираи предложила мне переночевать в ее маленькой однокомнатной квартирке. Ей платили более чем достаточно, чтобы она позволила себе жилье получше, но смысла снимать квартиру, тем более огромную, по сути, не было, так как она проводила дни и ночи в нашем доме или путешествовала с моей матерью. Я вежливо отказалась.

Она забрала с собой Тулузу, ведь эта собака ладила со мной не лучше, чем с мокрой кошкой, и пообещала вернуться рано утром.

Мне следовало быть добрее к Мираи. Хоть женщина и вызвалась остаться здесь, мне не хотелось никого видеть. Шум и чужое внимание меня нервировали, и я не желала слушать

предстоявшие ей сегодня телефонные разговоры. Это станет лишним напоминанием о том, какой ад сейчас разворачивается в мире и социальных сетях.

Люди судачат о моих родителях.

Наверняка сплетничают обо мне.

Жалость. Прогнозы о том, когда я последую за мамой и папой из-за передозировки или собственного суицида. У каждого есть мнение; им кажется, будто они знают все. Если я раньше думала, что живу в аквариуме...

Выдохнув, подхожу к кухонной плите. Родители оставили меня разгребать это дерьмо.

Пар поднимается над кастрюлей. Я выключаю горелку и накладываю лапшу рамэн в миску. Глядя на желтый бульон, тру свои пересохшие губы друг о друга. В животе урчит. Целый день я ничего не ела и не пила, только все равно сомневаюсь, что планировала съесть эту лапшу, когда вечером наконец-то забрела на кухню, чтобы ее приготовить. Просто мне всегда нравился сам процесс: следовать рецепту, выполнять определенные действия... Я знала, что делать. Это так успокаивает.

Обхватив миску пальцами, наслаждаюсь теплом, проникающим сквозь керамику в руки. По телу пробегают мурашки. Уже приготовившись сделать глоток, понимаю: сил вряд ли хватит.

Они мертвы, а я ни разу не заплакала. Меня больше беспокоит завтрашний день. Справлюсь ли я.

Понятия не имею, как быть. К горлу подступает желчь от одной мысли, что в течение следующих недель придется заставлять себя вести светские беседы с руководителями киностудий, старыми друзьями родителей, пока буду участвовать в похоронах матери и отца и разбираться со своим наследством. Мне тошно. Я не смогу.

Не смогу.

Родители знали, что мне не хватит навыков, чтобы справиться с подобной ситуацией. Я не умею улыбаться или симулировать чувства.

Выудив из ящика палочки, кладу их в миску, затем поднимаюсь на второй этаж. Когда преодолеваю лестницу, без заминки отворачиваюсь от родительской спальни и направляюсь влево, в свою собственную комнату. Поставив лапшу на стол, я замираю. От запаха бульона сводит живот. Отойдя к стене, сползаю на пол. Прохлада деревянного паркета помогает расслабиться. Буквально тянет лечь и прислониться к полу лицом.

Разве не странно, что я осталась в доме, где они умерли этим утром? Судмедэксперт назвал предполагаемое время смерти — около двух часов ночи. Я проснулась в шесть.

В голове кружат мысли. Одновременно хочется обо всем забыть и понять, как это произошло. Мираи приходит каждый день. Если не я, то она бы их нашла. Почему родители не подождали моего возвращения в школу на следующей неделе? Они вообще помнили, что я была дома?

Запрокинув голову назад, кладу руки на согнутые колени и закрываю глаза, которые вдруг отчего-то начинает жечь.

Ни мать, ни отец не оставили мне записку.

Они нарядились. Выпустили собаку. Сказали Мираи прийти позже, а не рано утром, как обычно.

Родители не написали мне записку.

В противоположном конце длинного коридора их закрытая спальня дамокловым мечом довлеет надо мной. Распахнув веки, смотрю на нее через свою открытую дверь.

Звуки в доме не изменились.

Ничего не изменилось.

Вдруг откуда-то доносится приглушенная вибрация. Чувство страха возвращает меня в реальность, и я моргаю. Что это такое?

Я думала, что отключила свой телефон.

Репортеры в курсе: запрос о комментариях нужно делать только через представителей моих родителей. Но это не останавливает особенно алчных — а таких большинство — от поисков номера моего сотового.

Протянув руку, нащупываю на столе мобильник, однако, когда нажимаю на кнопку питания, вижу, что он по-прежнему выключен.

Вибрация продолжается. Сердце пропускает удар, едва меня осеняет.

Это мой личный телефон. Спрятанный в ящике стола.

Лишь родители и Мирай знали этот номер. Он предназначался для экстренной связи, ведь я часто отключала другой. Правда, они никогда на него не звонили, поэтому я давно не носила второй сотовый с собой.

Я встаю на колени, открываю ящик, отсоединяю старый iPhone от зарядного устройства, падаю обратно на пол и смотрю на дисплей.

Колорадо. У меня нет знакомых в Колорадо.

Но на этот номер обычно никто не звонит. Возможно, его откопал какой-нибудь журналист. Хотя сомнительно. Он оформлен не на мое имя.

— Алло? — отвечаю я.

— Тирнан?

В низком голосе мужчины проскакивают нотки удивления, словно он не ожидал моего ответа. Или нервничает.

— Это Джейк Ван дер Берг.

Джейк Ван дер Берг...

— Твой дядя Джейк Ван дер Берг.

Тут я вспоминаю.

— Папин?..

— Брат, — заканчивает мужчина вместо меня. — Сводный брат вообще-то, да.

Я совсем забыла. Имя Джейка Ван дер Берга редко упоминали в нашем доме. За всю жизнь мне ни разу не пришлось общаться с родственниками, поэтому даже из головы вылетело, что они у меня есть.

Мать росла в приемных семьях, своего родного отца не знала, братьев и сестер у нее не было. У папы — только младший сводный брат, прекративший с ним общение,

и с которым я никогда не встречалась. Его родители умерли, так что у меня не было ни бабушек, ни дедушек, ни дядей, ни тетей, ни кузенов.

Есть лишь одна причина, почему он позвонил мне впервые за семнадцать лет.

— Эм, — бормочу я, подбирая слова, — ассистентка моей матери занимается организацией похорон. Если вам нужны детали, я ничего не знаю. Дам вам ее номер.

— Я не приеду на похороны.

На мгновение я замираю. Судя по тону, он раздражен.

К тому же Джейк не выразил соболезнований в связи с моей «утратой», что необычно. Они мне и не нужны, но тогда зачем он звонит? Решил, будто отец вписал его в завещание?

Если честно, он вполне мог это сделать. Я понятия не имею.

Прежде чем успеваю спросить, чего хочет Джейк, он прокашливается.

— Сегодня я получил звонок от адвоката твоего отца, Тирнан. Раз я твой единственный живой родственник, а ты еще несовершеннолетняя, похоже, родители передали тебя под мою опеку.

Под его опеку?

Похоже. Кажется, для него это тоже неожиданные новости.

Мне не нужна ничья опека.

Мужчина продолжает:

— Через пару месяцев тебе исполнится восемнадцать. Я не заставляю тебя переезжать, так что не волнуйся.

Ладно. Замешкавшись на секунду, я не уверена, чувствую облегчение или нет. У меня не было времени переварить напоминание о моем несовершеннолетии и что это значит теперь, после смерти родителей, а он уже уверил: это не будет ничего значить. Моя жизнь не изменится.

Хорошо.

— Несомненно, ты гораздо смысленней, чем мы, — говорит Джейк. — Учитывая среду, в которой выросла, ты вполне можешь позаботиться о себе.